

Проблемы истории кыргызов и Кыргызстана в исследованиях Омуркула Караева (часть I)

Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына

к.и.н., доцент кафедры истории Кыргызстана нового и новейшего времени

Т.И. Асанов,

с.н.с. Г.О. Эсеналиева

Научная общественность страны по праву относит Караева Омуркула Караевича (1930-2002гг.) к числу видных ученых и признанных специалистов в области изучения восточных письменных источников, освещающих политическую и этническую историю народов Кыргызстана и Центральной Азии в эпоху средневековья.

Юность Омуркула Караевича прошла в трудные годы Великой Отечественной войны. Как и многим другим сверстникам военных лет, ему пришлось вместе с матерью перенести потерю погибшего на фронте отца и тяжелую жизнь в тылу. Несмотря на все трудности, Омуркул Караевич смог закончить семилетнюю школу в родном селе Сайлык. Продолжив учебу в средней школе Ак-Бешим Чуйского района, закончил 10-й класс в школе №5 города Фрунзе, тогда еще единственной с кыргызским языком обучения.

Трудовой путь Омуркула Караевича начался в средней школе Кок-Джар Кочкорского района в должности учителя кыргызского языка. Проработав год в этой школе, отправился в столицу для поступления в университет. Успешно сдав экзамены, молодой Караев в 1948 году стал студентом исторического факультета Кыргызского государственного университета. Четыре года провел в стенах университета и после его окончания в 1952 году был отправлен в качестве учителя истории в среднюю школу Кок-Жар Жаны-Ноокатского района Ошской области. Потом переведен на

должность завуча в Кызыл-Дыйканскую среднюю школу Узгенского района, в которой проработал с 1954 по 1955 учебные годы. Дальнейшая педагогическая деятельность Омуркула Караевича продолжилась в Буденовской средней школе Фрунзенской области.

Омуркул агай, работая в школе, ясно осознавал, что быть учителем почетно, но есть и немало трудностей. Тем более, для молодого учителя, стремящегося к более глубоким знаниям, но не имевшего возможности удовлетворять свою духовную потребность в условиях сельского района. Поэтому он оказался в числе молодых, отправившихся учиться в аспирантуру города Москвы. Приемные экзамены сдал успешно и стал аспирантом Института востоковедения АН СССР. Директором этого института тогда являлся крупный ученый-востоковед из Таджикистана Б.Г.Гафуров. О.Караев попал, так сказать, в хорошие руки – его научным руководителем был утвержден видный советский ученый Е.А.Беляев, исследовавший средневековую историю арабов, арабского халифата и являвшийся крупным исламоведом. Руководитель одобрил научные планы О.Караева по изучению арабо-персидских источников с целью выявления материалов по истории кыргызов и Кыргызстана.

Аспирантские годы О.Караева прошли успешно, но с определенными трудностями. В 1964 году в Институте востоковедения он защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Арабские и персидские источники о киргизах и Киргизии в IX-XII вв.». Все аспиранты, выходцы из Киргизии, оказались целеустремленными исследователями. Среди них были ныне покойные Г.П.Супруненко и Н.Мадеюев, занимавшиеся изучением китайских источников и переводом ценнейших материалов по истории кыргызов и Кыргызстана X-XIX вв. А.Абдыкалыков исследовал историю енисейских кыргызов периода XVII-XVIII вв. на основе русских архивных документов. Несомненно, они внесли определенный вклад в изучение истории Кыргызстана.

В 1968 году О.Караев издал первый монографический труд (Караев.1968.101с.) по материалам диссертационного исследования, признанный в научной среде Кыргызстана одним из

лучших исследований по средневековой истории кыргызов и Кыргызстана. Его труд был отмечен и награжден Почетной грамотой на выставке достижений народного хозяйства Киргизии. Автор в своей монографии сделал подробный анализ таких арабских и арабо-язычных авторов, как ибн Хордадбех, ибн ал-Факих, Кудама ибн Джафар, ал-Истахри, ибн Хаукал, ал-Мукаддаси, Абу Дулаф, Махмуд Кашгари, ал-Марвази, ал-Идриси, а также анонимного персо-язычного автора сочинения «Худуд ал-Алам» и работы средневекового персидского автора Абу Саида Гардизи. Богата была источниковедческая база этих средневековых арабо-персидских авторов. Ученый О.Караев, тщательно изучив материалы средневековых авторов, смог выявить новые данные о местообитании кыргызов, их культурно-хозяйственной жизни, взаимоотношениях с другими народами и т.д. Сопоставив разные сведения, О.Караев установил факт пребывания кыргызов на ныне проживаемой территории еще до монгольского периода на рубеже I-II тысячелетий. Это подтверждается данными ибн Хаукаля, ал-Марвази, ал-Истахри, Абу Дулафа и из «Худуд ал-Алама». Анализ этих источников дал возможность О.Караеву установить, что район Восточного Тянь-Шаня, Джунгарии и прилегающие территории были заселены кыргызами в X веке. Границы местообитания кыргызов непосредственно соприкасались с владениями карлуков, чигилей и хазлажи.

Далее О.Караев на основе сведений арабо-персидских авторов попытался восстановить названия средневековых городов и населенных пунктов, путей сообщений, а также координаты торговых дорог, проходивших через территории Кыргызстана. Города и населенные пункты, расположенные вдоль этих дорог, бесспорно свидетельствуют о развитии культуры и хозяйства средневекового населения Тянь-Шаня. Автору удалось уточнить географические координаты высокогорных проходов, по которым шли торговые караваны с запада на восток. По уточнению автора, на территории Кыргызстана IX-X вв. существовали две основные торговые дороги – южная и северная. Они были известны с древних времен под названием Шелковый путь и связывали

Переднюю Азию, Византию и Европу с Китаем. О.Караевым приведены достоверные сведения о средневековых географических названиях Кыргызстана и координаты их расположения.

Во 2-й половине 60-х и 1-й половине 70-х годов XX в. О.Караев занимался изучением этногенеза кыргызского народа. В научной среде историков Кыргызстана тогда доминировала гипотеза К.И.Петрова о переселении кыргызов Енисей-Иртышского междуречья в XIII-XV вв. Она была принята за основу в решении проблемы этногенеза кыргызов и включена в «Историю Киргизской ССР» 1968 года издания. По данной проблеме К.И.Петровым изданы две монографии (Петров.1961; Петров.1963.). В связи с этим О.Караев вступил в научную полемику, оспаривая в некотором отношении несостоятельность гипотезы К.И.Петрова. По мнению О.Караева, Петров К.И. не располагал конкретными историческими фактами, подтверждающими версию о передвижении кыргызов в XIII-XIV вв. В качестве аргумента Петров К.И. выдвигал предположение о том, что переселение кыргызов на Тянь-Шань было обусловлено передвижением войска Ордо хана, военных отрядов монголов, калмыков, Тимура и других ханов. Все сведения, используемые К.И.Петровым из восточных источников, как писал О.Караев, говорят вообще о передвижениях тюрко-монгольских племен. Излагая историю феодальных распрей и передвижений народных масс монгольского периода, К.И.Петров толковал их произвольно. Ярким примером этому может послужить отсутствие их в составе армий военачальников Хубилая, Тутуха и Чоангура и, тем самым, подтверждается необоснованность версии о переселении кыргызов на Тянь-Шань из Или-Иртышского междуречья (СЭ.№4.1966). В свое время гипотезу К.И.Петрова критиковали Л.И.Потапов и С.М.Абрамзон (Абрамзон.1971.; Потапов.1969).

В конце 1960-х – начале 1970-х годов шла оживленная дискуссия по вопросу термина кыргыз. Хакасский ученый Л.Р.Кызласов в 1968 году опубликовал свою статью на страницах журнала «Народы Азии и Африки» (НАА.№4.1968), в которой предложил новую трактовку ранее известных и переведенных на русский и

европейские языки сведений китайских и других письменных источников. По его мнению, древние енисейские кыргызы – гяньгуни (цзяньгуни) являлись немногочисленной тюрко-язычной группой. Они в VI-XII вв. были малочисленны и представляли не особый народ, а лишь династийный род хакасов. Кроме того, Л.Р.Кызласов в своей статье поднял вопрос о терминах «кыргыз» и «хакас». Будучи не специалистом, он подверг сомнению древнекитайское произношение термина «гяньгунь»- кыргыз. По его убеждению, транскрипция китайских иероглифов в форме хакас, хягас, хагас, сяцзяс, хэхэ, хяка, сягэ является записью этнонима «хакас», а гяньгунь, цзяньгунь, цилицзис, гиргис, хэлицзис, «хэргис» или «хыргис», циэргайсы, «киргаис», киэрцису является обычной транскрипцией этнонима «кыргыз». В связи с этим О.Караев отправил свои суждения в редакцию журнала «Народы Азии и Африки», обоснованно критикуя Л.Р.Кызласова за несостоятельность его толкований древнекитайских названий термина «кыргыз» (НАА. №4.1970). При этом он ссылался на результаты ведущих синологов – Б.Лауфера, П.Пеллио и С.Е.Яхонтова, которые также утверждали, что ни в одном восточном источнике не упоминается термин хакас. Трудно констатировать достоверность мнения Л.Р.Кызласова на фоне древнетюркских памятников, в которых вообще отсутствует данный термин. Таким образом, О.Караев, как специалист по средневековой истории, отстаивал свое и мнение других ученых вокруг древнекитайского произношения термина «кыргыз». Целью искусственно придуманной версии Л.Р.Кызласова было противопоставление терминов «хакас» и «кыргыз», а также возвеличивание за счет других роли современного хакасского народа.

В конце 1970-х годов О.Караев приступил к изучению истории Караханидов, сильно развитого мусульманского государства, образовавшегося на территории средневекового Кыргызстана и Восточного Туркестана. К этому времени О.Караев стал уже зрелым исследователем. Для создания монографической работы пришлось скрупулезно изучить различные источники и по мелочам собирать разнообразные материалы, касающиеся истории

Караханидского государства. В 1983 году О.Караев завершил фундаментальный труд «История Караханидского каганата. X начало XIII вв.». Монография О.Караева стала первым обобщающим трудом по истории караханидов, ибо до этого аналогичной работы еще не создавалось в советской историографии востоковедения и тюркологии. Через год он успешно защитил докторскую диссертацию по этой проблеме в Институте востоковедения имени Абу Райхана Беруни АН Узбекской ССР.

Широкий диапазон рассматриваемых вопросов в монографии О.Караева. Автор подробно остановился на истории изучения источниковедческой основы проблемы. Хронология исследования истории караханидов началась примерно в 30-х годах XIX в. Тогда были найдены первые нумизматические материалы периода караханидов. Но глубокое изучение проблемы истории караханидов началось только в XX веке. О.Караев подчеркивал, что именно В.В.Бартольд очень много сделал, по сравнению со своим предшественником, для изучения истории Средней Азии периода караханидов и киданей. Но следует отметить, что его труды, посвященные истории караханидов, порой охватывали лишь отдельные периоды истории, в которых излагалась в основном политическая жизнь караханидов и мало уделялось внимания экономическим вопросам – скотоводству, земледелию, ремеслу, развитию городов и т.д. Исходя из этого заключения, О.Караев в основном акцентировал свое исследование на вопросах населения Центрального Тянь-Шаня и Семиречья в X в., происхождения караханидов, титулов их правителей, политического подъема каганата, разделения на восточных и западных каганатов, борьбы против киданей и хорезмшахов, а также политического строя, социально-экономических отношений и культурно-хозяйственной жизни Караханидского государства.

Наиболее дискуссионным вопросом оставалось определение династии основателей Караханидского каганата. По авторитетному мнению В.Бартольда, династия Караханидов вышла из трех народов, а именно – карлуков, ягма, чигилей. По его утверждению, название чигили в XI в. применялось к большому

числу турецких народов. Они составляли основную военную силу караханидов во время похода на Мавераннахр, и огузы называли чигилями всех тюрок, обитавших к востоку от Аму-Дарьи. В.Бартольд, ссылаясь на генеалогическое сказание тюрок в сельджукскую эпоху, писал, что чигиль, возможно, был предком всех кочевых тюрок кроме огузов. Исходя из этого суждения, О.Караев считал, что чигили попали в генеалогию тюрок в результате главенствующей роли в государстве Караханидов. В пользу предположения В.Бартольда, О.Караев привел малоизвестные факты о происхождении караханидов из чигилей. В поэме Фирдоуси, современника возвышения и соперничества в Средней Азии караханидов и газневидов, неоднократно упоминались чигили, как основное ядро войска принца Карахана. В строках этой поэмы еще упоминалось сражение войск иранского и туранского. По уточнению О.Караева, в оригинале данного стихотворения вместо слова «туранский» стоит «чигильский». Приведен ряд и других стихотворных строк о той войне из сочинения саманидского поэта Дакики, а Фирдоуси позже включил их в «Шах-Наме» (Дакики был убит около 980 года). О.Караев свою точку зрения подкрепил и другими данными восточных авторов и сделал заключение, что чигили из Центрального Тянь-Шаня, опираясь на союзные племена карлуков, ягма, тухси и других, образовали государство Караханидов.

Появление монографии О.Караева вызвало определенный резонанс в научной среде Кыргызстана. Прежде не было таких работ, посвященных средневековым государственным образованиям, когда-либо существовавшим на территории Кыргызстана. Богатая источниковедческая база и обзор обширной научной литературы, а также простота изложения материалов принесли автору немало успехов. Книга, изданная ограниченным тиражом, сразу стало библиографической редкостью.

Во 2-й половине 1980-х годов Омуркул Караевич вплотную начал заниматься проблемами этногенеза кыргызского народа. Перестройка открыла новые возможности в духовной жизни общества, раскрепощая сознание людей. В связи с этим, в научной среде Кыргызстана снова был поднят вопрос об истоках

этногенеза кыргызов, сразу же ставший дискуссионным. Ученые Кыргызстана в поисках его решения выдвигали новые версии, подкрепляя их мнениями некоторых авторитетов Москвы и Ленинграда. К сожалению, вмешалась политика в исследование истории народа, поставив точку в дискуссиях по данному вопросу. В итоге академическое издание «Истории Киргизской ССР» 1984 года, редактором которого являлся секретарь ЦК КП Киргизии А.Карыпкулов, выдвинуло утверждение, что енисейские кыргызы не являются прямыми предками современных кыргызов. Авторы данного издания, в отличие от предыдущих, совсем отрицали енисейский период истории кыргызского народа, выдвигая, так сказать, «современное» решение вопроса этногенеза кыргызов.

В 1986 году под руководством О.Караева вышел в свет сборник, посвященный различным аспектам этногенеза кыргызского народа (Вопросы.1986). В данный сборник вошли две статьи О.Караева. Первая статья была посвящена исследованию взаимоотношений енисейских и тьянь-шаньских кыргызов. Автор проанализировал высказывания и мнения многих исследователей, начиная с XVIII в., и пришел к следующему заключению, что такие ученые как Г.Миллер, Е.Фишер, И.Георги, Ю.Клапрот, А.Левшин, К.Риттер, Ч.Валиханов, В.Радлов, Н.Аристов, В.Бартольд, Ч.Грумм-Гржимайло, А.Арзыматов, А.Абдыкалыков и А.Бернштам или подтверждали или только предполагали, что енисейские кыргызы переселились на Тянь-Шань.

С.Малов, Б.Юнусалиев, А.Баскаков и Э.Тенишев связывали происхождение кыргызов или образование языка с Саяно-Алтаем, либо с Западной Монголией.

Л.Ошанин, В.Алексеев, В.Гинсбург и В.Виноградов поддерживали мнение об этногенетических связях енисейских и тьянь-шаньских кыргызов.

Г.Дебец, Н.Микалашевская и Е.Махова выводили антропологический тип кыргызов из Центральной Азии и утверждали, что монголоидный элемент резко увеличился на территории Киргизии в

XI-XV вв.

Н.Бичурин, С.Абрамзон, Л.Кызласов, К.Петров и авторы VIII главы «Истории Киргизской ССР» (т.1.1984) не связывали происхождение тянь-шаньских кыргызов с Енисеем и каждый предлагал свою, отличающуюся от других, точку зрения.

Б.Джамгерчинов, А.Хасанов и А.Маргулан защищали идею автохтонности современных кыргызов.

О.Караяев в данной статье остановился на каждом из вышеперечисленных авторов в отдельности, анализируя их взгляды и порой критикуя некоторых оппонентов. В последнем академическом издании «Истории Киргизской ССР» была предложена новая концепция о кимако-кипчакском происхождении кыргызов, суть которой заключалась в следующем. Значительная часть енисейских кыргызов проникла в X в. на Алтай и в междуречье Оби и Иртыша, создав там самостоятельное княжество во главе со своим иналом. Постепенно они были ассимилированы местными кимакско-кипчакскими племенами. Но сложившаяся новая этническая группа получила этноним «кыргыз». Во 2-й половине XV в. она переместилась на Тянь-Шань и сыграла определенную роль в образовании кыргызского народа.

В связи с новой трактовкой этногенеза кыргызов О.Караяев остановился на некоторых моментах данной концепции. Например, он не был согласен со следующим утверждением авторов VIII главы: «Киргизская народность сложилась главным образом на базе древних и средневековых племен и племенных объединений Тянь-Шаня и Притяньшанья». По мнению О.Караяева, этнический состав кыргызского народа сам по себе говорит о том, что преобладающий его компонент был центрально-азиатского и южно-сибирского происхождения. Это было очевидным, и к тому же заключению пришли в 1956 году участники сессии, посвященной происхождению кыргызского народа. О.Караяев считал безосновательным утверждение авторов, что кимаки и енисейские кыргызы соперничали в борьбе за уйгурское наследство и захватили или поставили под контроль несколько городов

Джунгарии и Таримского бассейна. Ведь наследство Уйгурского каганата, по утверждению О.Караева, не в этих регионах, а в Монголии. Вообще в письменных источниках не зафиксированы исторические факты столкновений енисейских кыргызов и кимаков.

Авторы утверждали, что в связи с образованием государства киданей в Северном Китае в начале X в. с востока двинулась масса населения и под их натиском кипчаки ушли на запад. Воспользовавшись этим, енисейские кыргызы распространили свою власть на Алтай, районы Приобья и Прииртышья. В связи с таким утверждением О.Караев считал, что енисейские кыргызы могли распространить свою власть на эти территории во 2-й половине IX в., т.е. после ликвидации Уйгурского каганата в 840 году. Тем более в письменных источниках отсутствовали какие-либо данные о создании нового союза в X в. оставшимися на местах кимакско-кипчакскими племенами в Южной Сибири и на Алтае под эгидой енисейских кыргызов.

На основе археологических данных авторы утверждали, что енисейские кыргызы селились на территории между реками Обь и Иртыш, что началась их ассимиляция с местными тюрками, которая завершилась в XI веке в Новосибирском Приобье. По мнению О.Караева, начиная с этого времени, исчезают кыргызские курганы с обрядом трупосожжения к западу от долины Енисея. Авторы для подтверждения этих изменений приводили сообщение ал-Марвази (XII в.), где также отмечалось о том, что, став соседями мусульман, кыргызы перешли на захоронение умерших. Там же сообщалось, что кимаки живут на севере, а ягма и карлуки – в западных пределах кыргызов, тогда как Куча и Арк (Карашар) расположились на юго-западных границах кыргызов. Следуя этим сведениям, авторы сделали заключение о том, что соседями ягма и карлуков и одновременно мусульманизированного Семиречья и Кашгарии могла быть только группа кыргызов, обитавшая на Алтае, Черном Иртыше и в Северо-Восточном Казахстане. Но авторы, отмечал О.Караев, не учли того, что Черный Иртыш достаточно далеко расположен от Горного Алтая. Кроме того, между Черным Иртышем и Семиречьем находятся степи

Джунгарии и Тарбагатайские горы. Тем более авторы, не учитывая огромное расстояние от Иртыша до Тянь-Шаня, сделали карлуков и ягма соседями алтайских кыргызов и, тем самым, приписали последним сведения ал-Марвази. По мнению О.Караева, они не учли выше приведенного сообщения этого же автора о кыргызах, обитавших к северо-востоку от городов Куча и Карашара, то есть в восточном Притяньшанье.

Не совсем верно интерпретировано, по мнению О.Караева, и другое сообщение того же автора о расселении кимаков на севере от кыргызов. Авторы главы пишут об обособленных прииртышских кимаках и располагают их севернее алтайских кыргызов. Поскольку они обитали, по их же мнению, на территории между Обью и Иртышем так называемые прииртышские кимаки становятся западными соседями кыргызов, что противоречит сообщению ал-Марвази, отметил О.Караев. В связи с этим Б.Е.Кумекоев писал о расселении кимаков в VIII-X вв. на территории от среднего Иртыша до Джунгарских ворот и отмечал, что они были соседями именно тянь-шаньских кыргызов.

Факт исчезновения у кыргызов обряда трупосожжения авторы связывали с их малочисленностью и ассимиляцией местными алтайскими тюрками, что привело к «не захоронениям по мусульманскому обряду, а кимакско-кипчакским захоронениям в грунтовых ямах подбоях и часто с конем». О.Караев считал, что это прямое искажение содержания источника. На самом деле ал-Марвази писал о тянь-шаньских кыргызах, которые под влиянием ислама, ставшего государственной религией Караханидского каганата, переходили от прежнего обряда в долине Енисея к мусульманскому захоронению.

Для подтверждения существования самостоятельных, алтайских кыргызов авторы приводили сведения персидского сочинения X в. «Худуд ал-алам». Изучавший данный источник О.Караев заметил, что из его содержания исключено существование обособленных друг от друга енисейских и алтайских кыргызов. По «Худуд ал-алам», кыргызы рассеялись вдоль северной границы уйгуров, т.е. в Восточном Притяньшанье.

Для подтверждения своих аргументов авторы обратились к сведениям Рашид ад-Дина, в которых он сообщал о двух областях: Кыргыз и Кэм-Кэмджиут в Минусинской котловине и Туве. О.Караев считал, что данное предположение является неверным и большинство исследователей склонны считать, что первая располагалась в Минусинской котловине, а вторая – на Верхнем Енисее. Далее О.Караев отмечал, что найманы расселились ни в Горном Алтае, как утверждали авторы, а в пределах Западной Монголии и в горах Монгольского Алтая. Следовательно, область Кыргыз располагалась севернее от них, а не на Горном Алтае. Гипотеза о тождественности сrostкинской культуры на Алтае и кимаков не решает проблемы появления последних в этом регионе, пишет О.Караев. После X в. обе культуры прекратили свое существование, хотя какая-то часть кимаков или кипчаков могла обитать на Северном и Горном Алтае. Однако в письменных источниках отсутствуют данные об их пребывании на этой территории. По мнению Б.Е.Кумекова, восточная граница Кимакского государства доходила до Западного Алтая и Кулундинской степи. Наиболее компактно они жили в районе среднего течения Иртыша и Семиречья (Кумеков.1972.С.47,55,58,86). Следовательно, утверждал О.Караев, кипчакские племена не обитали на Среднем и Горном Алтае и не могли образовать новую группу людей с самоназванием «кыргыз». Как отмечал Б.Е.Кумеков, кипчаки и кимаки в VIII-XI вв. не имели между собой тесных политических, этнических и хозяйственных связей. Что, касается енисейских киргизов, проникших в X-XI вв. на Саяно-Алтай, то они постепенно были ассимилированы местным тюркским населением, предками современных народов этого края. Кроме того, численность енисейских кыргызов Саяно-Алтая, Минусинской котловины уменьшилась в связи с уводом их на восток Хубилаем. Не исключено, что такие же меры принял и его соперник Хайду.

О.Караев также отмечал, что в состав Моголистана не входил ни Алтай, ни Монгольский Алтай. Следовательно, алтайские кыргызы не были подвластны могульским ханам. Тимур и его наследники не совершали походов на Алтай. Такими выводами О.Караев завершил

свои критические замечания в отношении авторов VIII главы «Истории Киргизской ССР», хотя в его высказываниях по данному вопросу есть немало спорных моментов. Тем не менее, надо отметить, что он вложил немало своих сил и знаний в изучение этногенеза кыргызского народа.

В следующей статье О.Караев как раз пытался обосновать свои взгляды, основываясь на исторических данных китайских и восточных авторов. Он возвратился к термину «кыргыз», явившемуся самоназванием как енисейских, так и тянь-шаньских кыргызов. Так, он подчеркнул, что С.Я.Яхонтов, опираясь на достижения исторической фонетики китайского языка, убедительно доказал, что форма «хягас» является транскрипцией слова «кыргыз» и она не может быть реконструирована, как хакас, что пытается доказать Л.Р.Кызласов. Далее, О.Караев остановился на исторических фактах, свидетельствующих о появлении кыргызов на ныне проживаемой территории в период политического подъема на Енисее. После событий 840 года часть уйгуров обосновалась в районе Восточного Туркестана и, действительно, кыргызы, преследуя их, уже в X в. появились на северо-восточных отрогах Тянь-Шаня. Во всяком случае, об этом есть письменные данные у китайских авторов и в персо-язычном анонимном сочинении «Худуд ал-Алам». В качестве косвенных материалов О.Караевым также приводились данные ряда других средневековых авторов: ал-Истахри, Абу Дулафа, Махмуда Кашгари, Джувейни и других. Но, к сожалению, как свидетельствует последующая история, данная группа кыргызов не упоминалась в источниках вплоть до XIV в. Какова была их дальнейшая судьба осталось неизвестным.

В.Бартольд предполагал несколько вариантов появления кыргызов на Тянь-Шане в период X-XII вв. и по этому поводу он сделал следующее заключение: «По-видимому, после утраты великодержавного могущества никаких киргизов на юго-западе не осталось... Столь же маловероятно, чтобы киргизы были здесь в эпоху принятия ислама среднеазиатскими монголами... Возможно, что в калмыцком движении (точнее ойратском, Т.А.) приняли участие некоторые племена киргизов и что эти киргизы после

ухода калмыков остались на западе, в Тянь-Шане, хотя и об этом в источниках ничего не говорится».

Несмотря на веское заключение академика В.Бартольда, О.Караев продолжал изучать данный вопрос, собирая разные исторические материалы, свидетельствующие о появлении кыргызов на Тянь-Шане. Начиная с XIV в. кыргызы эпизодически появлялись на северо-востоке Тянь-Шаня. В сообщениях Махмуда ибн Вали, автора XVII в., отмечалось, что в 1307-1308 годах послы Чапара, преемника Хайду, посетили ставку чагатаидов Кенджеку и рассказали о тяжелом положении края из-за междоусобиц царевичей и грабежей кыргызов и китайцев. Столкновение сыновей Хайду и чагатаидов в основном произошло на территории Семиречья и в долине Таласа. Следовательно, как подчеркивал О.Караев, кыргызы в XIV в. кочевали в северо-восточном Притяньшанье (Вопросы.1989.С.61). Абд ар-Раззак Самарканди также упоминал их в этом регионе. По его рассказу, внук Тимура Искандер на рубеже XIV-XV вв. совершил поход в Могулистан и послал в дар своему деду несколько десятков из периликих, алмалыкских (из долины реки Или), хотанских красавиц и кыргызских, пишбалыкских чаровниц (Вопросы.1989.С.61-62). Следует отметить, как писал О.Караев, поход Искандера на восток не выходил за пределы Тянь-Шаня и Восточного Туркестана. Вполне возможно, что отряды Искандера ограбили г. Бешбалык и захватили в плен в его окрестностях «чаровниц»-кыргызов.

В конце 1450-х годов сыновья бело-ордынского хана Барака Джаныбек и Гирей с соплеменниками и сторонниками бежали от Абу-л-хайра в Могулистан, правитель которого Есен-Бука хан отвел им долины Таласа и Чу. Махмуд ибн Вали сообщал, что в первое время после вселения в Могулистан они производили набеги и грабили племена калмыков и кыргызов. О.Караев писал, что подвластные Джаныбеку и Гирею племена, недавние пришельцы-беглецы, не могли далеко совершать набеги на север Саяно-Алтая. Объектом их грабежа могли быть западные районы Джунгарии. В то время кыргызы, упоминаемые Махмудом ибн Вали, продолжали кочевать, как и прежде, в тех же областях северо-

восточного Притяньшанья. Районы их расселения временами подпадали под власть калмыков. В связи с этим О.Караев отмечал, что Махмуд ибн Вали показал киргизов и калмыков как соседей и союзников (Караев.1995.С.138).

Несколько ниже тот же автор писал, что Абу-л-Хайр выступил в поход на Могулистан, вернее, на юрты киргизов и калмыков, но в пути умер. Согласно его данным, войска этого хана шли через долины рек Талас, Чу и далее через восток, в Семиречье. Эти факты, как писал О.Караев, подтверждают проживание киргизов во 2-й половине XV в. в восточном Притяньшанье, скорее всего между средневековыми городами Бешбалык и Алмалык (поблизости от Кульджи) и далее на север. В связи с этим О.Караев считал неслучайным то, что в этом регионе ныне расположен город и река с именем легендарного героя – Манас. Махмуд ибн Вали упоминал на территории Могулистана реку Кыргыз, протекавшую поблизости от кочевья того же наименования. Б.А.Ахмедов склонен отождествлять реку Кыргыз с Карамуреном (Желтой рекой) на восточной оконечности Тянь-Шаня. По мнению О.Караева, реку Кыргыз следует отождествлять с рекой Манас, расположенной в пределах Могулистана (Караев.1995.С.139).

В совокупности, как отмечал О.Караев, приведенные исторические факты подтверждают высказывание видного советского этнографа–киргизоведа С.М.Абрамзона, который связывал процесс формирования северо-киргизского круга племен именно с восточным Притяньшаньем. Он писал, что «группы киргизского населения на большой территории к востоку до реки Кунгес и долины Большого и Малого Юлдузов можно поставить в связь со сведениями исторических источников о появлении киргизов в IX-X вв. на территории современного Синьцзяна» (ТКАЭЭ.1959.Т.2.С.339).

Подытоживая свои суждения, О.Караев проанализировал вопросы сложения киргизского народа, непосредственно связанного с историческими процессами, происходившими в пределах северо-восточного Притяньшанья. По мнению автора, процесс сложения киргизского народа начался примерно с XI в., когда часть

енисейских кыргызов, обосновавшаяся в основном в восточном Притяньшанье, стала непосредственным соседом Караханидского каганата и имела различные контакты с населением этой страны: чигилями, карлуками, тухсийцами и другими.

В сложении кыргызского народа определенную роль сыграло передвижение кара-китаев и найманов в Среднюю Азию и Казахстан, часть которых вошла в состав кыргызского народа. С точки зрения О.Караева, племена Центральной Азии, переселившиеся в период монгольского нашествия и образования улусов-чингизидов и государства Хайду, оказали большое влияние на формирование кыргызской народности. Существенную роль в этом процессе играло государство Могулистан.

По мнению О.Караева, одним из факторов, ускоривших определение кыргызского народа, явилось образование их государственности на рубеже XV-XVI вв. Для формирования кыргызской народности имелись уже сложившиеся основные признаки: этническое самосознание общности, сложившийся к этому времени общенародный язык, общность этнической территории. Этническое самосознание кыргызской народности, писал О.Караев, достаточно документировано в «Тарих-и-Рашиди» Мухаммеда Хайдара в связи с событиями 1510 года, когда кыргыз в плане осознания своей этно-принадлежности уже отличал себя от могула, т.е. конкретно от «других народов» Могулистана.

В заключение О.Караев отметил, что процесс сложения кыргызского народа шел с начала II-го тысячелетия н.э. и завершился во 2-й половине XVв. в результате взаимодействия местных, древних племен Средней Азии и пришедших из Южной Сибири и Центральной Азии. Переселившиеся в IX в. на Тянь-Шань, енисейские кыргызы (возможно и в последующие времена, при каракитаях и монголах) составляли основное ядро в формировании кыргызского народа.

О.Караев определил этнической областью сложения кыргызской народности территории примерно между долиной рек Манас и Талас и прилегающие к ним южные районы. После XV в. они

распространились на другие ныне занимаемые ими территории.

Монография О.Караева, посвященная государственным образованиям монгольского периода (Караев.1995.160с.), базировалась на данных восточных источников преимущественно местных, среднеазиатских авторов. Монгольские и тимуридские историографы подробно описывали ход исторических событий этого периода, когда на огромной территории Центральной Азии появились не только новые государства, но и народы. Разные племена тюрко-монгольского происхождения ассимилировались на этой территории, создавая совершенно новые этнические и политические образования. Чагатайский улус, по сути, был государством, проводившим в связи с кочевым образом жизни политику грабежа и насилия над оседлым населением, горожанами с целью превращения культурных областей в пастбища для многотысячных табунов. После смерти Чагатая его потомки не справились с управлением, и междоусобица завершила закономерный распад государства. Эти и другие вопросы О.Караев исследовал в своей монографии.

Появление государства Хайду было закономерным процессом. Но нельзя не отметить личные качества и инициативу Хайду хана, потомка Угедея. Весной 1269 года монгольские царевичи собрались на свой первый курултай в Средней Азии «на луговьях Таласа и Кенджека». Этот курултай означал распад Чагатайского улуса и преемнику Бараку, по его просьбе, выделили удел в две трети территории Мавераннахра. Остальная часть улуса досталась Хайду и Менгу-Темиру. При таком разделе Чагатайского улуса Хайду расширил свои владения на западе до Сыр-Дарьи и Ферганы включительно. Таким образом, по мнению О.Караева, Хайду считался главой всех чингизидов улусов Угедея и Чагатая. Хайду имел право собирать дань во владениях всех участников курултая, мог поставить начальниками пограничных областей с владениями джучидов, Хулагидов и Хубилая своих сыновей. Подытоживая изложенное, О.Караев сделал заключение, что Хайду в 1266-1270 годах образовал самостоятельное государство в Семиречье и Средней Азии и начал борьбу с Хубилаем за

всемонгольский трон (Караев.1995.С.25).

Далее автор детально проанализировал политическую и социально-экономическую историю государства Хайду. Изучая разные проблемы этого государства, О.Караев обратил внимание на ряд недостатков и ошибок, допущенных авторами «Истории Киргизской ССР» (История.1984.). Не совсем верным было утверждение авторов, что территория государства Хайду простиралась от Алтая до Аму-Дарьи. Вопреки данному утверждению, в западной части этого региона правили чагатайские царевицы, находившиеся в положении вассалитета. Денежную реформу в Средней Азии провел не Хайду, как об этом утверждали авторы, а наместник всемонгольского хана Масуд-бек. Правление Хайду ознаменовалось политико-экономическим подъемом Средней Азии. После его смерти в 1303 году началась борьба за престол, закончившаяся возвращением престола чагатаидам.

Главенство в Средней Азии и во владении Хайду перешло без кровопролития в руки потомка Чагатая – Дуве. В.В.Бартольд назвал Дуву подлинным основателем Чагатайской державы. Автором была исследована дальнейшая история Чагатайского улуса. Надо отметить, что автор подробно остановился на административно-денежной реформе, проведенной в Чагатайском улусе Кебеком. В последних изданиях «Истории Кыргызстана» этот факт авторы не упоминали и, возвеличив через-чур роль Хайду, ошибочно приписали ему проведение денежной реформы. По сведениям О.Караева, первым из монгольских ханов такую акцию сделал только Кебек. Как известно, прежде монгольские правители в основном занимались военными делами, завоевывая другие области, обеспечивали свои социально-экономические нужды. Они были государями кочевых масс и не вмешивались непосредственно в управление городами и культурными областями, а ограничивались лишь сбором с них воинов на случай войны, а также налогов и податей. Оседлые области, с которых больше изымалось податей, находились в руках местных богатых купцов-откупщиков, таких как Махмуд Ялавач, Масуд-бек и другие тюркские правители. Они старались угодить чингизидам и

беспощадно обирали оседлое крестьянское население при помощи подчиненных даругов и монгольских отрядов (Караев.1995.С.24).

Похожие записи

Кыргызстанцы попали в аварию в Ленинградской области

Улан Доконбаев назначен акимом Ак-Суйского района Иссык-Кульской области

Новым генсеком ОДКБ стал Юрий Хачатуров

Пресечена попытка ввоза серебряных изделий из Турции в Кыргызстан

Правительство призывает кыргызстанцев принять участие в общереспубликанском субботнике